

A man and a woman are featured in a winter-themed setting. The man, on the left, has short, light-colored hair and is wearing a dark, open jacket that reveals his bare torso. He has a serious expression. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is wearing a grey coat with a white fur collar. She is smiling and looking down towards the man's midsection. The background is a blurred winter scene with snow and trees. The overall tone is romantic and sensual.

АШИРА ХААН

ПРИЛИЧНОЙ ЖЕНЩИНЕ
НЕЛЬЗЯ

Ашира Хаан

Приличной женщине нельзя...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68815857

SelfPub; 2023

Аннотация

Если ты приличная тридцатипятилетняя женщина, то ты отлично знаешь правила поведения для таких, как ты. Не напиваться в незнакомых компаниях, татуировки не бить, одеваться соответственно возрасту и, разумеется, не крутить романы с парнями намного младше. Не положено потому что! Но что, если в Новый Год чуть-чуть все-таки можно?.. Или нет?

Содержание

Пролог	5
...пялиться на молоденьких мальчиков	11
...заигрывать с посторонними парнями, ходящими в сыновья	18
...позволять платить за себя незнакомым мужчинам	25
...попадать в двусмысленные ситуации	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Ашира Хаан
Приличной
женщине нельзя...**

Пролог

Моя бабушка любила говорить: «Судьба тебя и за печкой найдет».

В том смысле, что – можешь не дергаться, деточка, не лазить по сайтам знакомств, не шляться по клубам, не прогуливаться с умным видом и каблуках в районе с богатыми офисами. Придет время – и любовь к тебе нагрянет, даже если будешь изо всех сил сопротивляться и сидеть дома, не открывая дверь даже участковому.

С участковыми надо быть особенно осторожной – бывают такие красавцы, ах!

Я, кстати, с бабушкой была совершенно согласна.

Опыт тоже подтверждал – замуж я выскочила абсолютно случайно, за парня с «Авито», который приехал за пластинками на семьдесят восемь оборотов, что остались никому не нужны после ее смерти.

Брак оказался удачным – все десять лет я была абсолютно счастлива, а на память об этом мне осталась чудесная умница-дочь.

Однако народная мудрость требовала одной оговорки.

Это относилось только к молодым.

В двадцать лет ты можешь открыть дверь, даже если никого не ждешь, встретиться глазами с человеком, который просто спутал этажи – и вот она, любовь на всю жизнь.

Особенно, если дома ты ходишь в футболке без лифчика и коротких шортах. Да и мордочка, не залакированная косметикой, глаза, не уставшие от скуки метро и не уложенные пушистые волосы, пахнущие отваром ромашки – это все только в плюс.

Да и ты сначала увидишь своего принца в лыжной шапочке и влюбишься в его зеленые глаза и изогнутые луком губы, еще не зная, что он уже наполовину облысел, лечится от простуды смесью хрена и чеснока и вообще программист, и главным вашим развлечением в семейной жизни будет просмотр черно-белых американских сериалов шестидесятых годов.

Впрочем, я не об этом.

В тридцать пять соблазнить естественной красотой уже не выйдет.

Поэтому воскресным утром даже ухом не поведешь на звонок в дверь – я никого не жду, а пугать посторонних людей опухшей мордой после вчерашней банки соленых огурчиков в одну эту самую морду – запрещено Женевской конвенцией о пытках гражданского населения.

В моем возрасте к встрече с потенциальным мужчиной мечты готовишься заранее, кандидатов отбираешь, тщательно изучив биографию, чтобы быть готовой к наследственному алкоголизму, любви к коллекционированию втулок от туалетной бумаги, маленькой зарплате, ну и... всему остальному маленькому.

Никакая поражающая как финский нож любовь не ломает тебе жизнь, надолго привязывая совершенно неподходящему человеку.

Так что, если судьба не торопится искать тебя за печкой, вычеркнув из списка невест еще лет пять назад, расстраиваться не надо.

В юности было хорошо спонтанно убегать на гулянку, но и сейчас по три часа обмазываться кремиками перед тем, как вырваться попить кофе – тоже хорошо, просто по-другому.

Всякому овощу свое время.

Эту присказку бабушка тоже любила.

И говорила каждый раз, когда я требовала «оливье» посреди лета или арбузов на новый год.

Как меня в детстве просто бесили все эти глупые ограничения!

Почему красивое платье только на праздник?

Почему сервиз из тончайшего фарфора только для важ-

ных гостей?

Кто сказал, что дарить подарки надо только в определенные даты?

Вот вырасту – и буду каждый день есть «оливье», селедку под «шубой» и мандарины!

И выросла, и ела, и носила праздничные платья каждый день, и ничего не хранила на особый случай, насмотревшись на ту же бабушку, которая так и померла, ни разу не испачкав полотенца с васильками, которыми так любовалась, не прокрутив мясо в новой электрической мясорубке и не сняв упаковку с красивого мыла.

И было мне хорошо.

Пока я вдруг не поняла, что с каждым годом все сложнее найти в себе новогоднее настроение. Ну что особенного в вашем новом годе? Бутерброды с красной икрой я и так ем, дорогие духи и так покупаю, а если хочется праздника – смотрю рождественские мелодрамы прямо посреди жаркого июля.

Вот только мандарины все равно вкуснее в сезон – а сезон у них в декабре, под Новый год.

Только зимой они по-настоящему яркие и брызжут кисло-сладким соком на языке.

Арбузы самые сладкие-сахарные – в августе.

Пусть хоть с другого конца мира привезут их в декабре, а все равно будут водянистые.

Поэтому лучше все-таки ставить на новогодний стол вазу с мандаринами и не пытаться удивить гостей.

Природу не обманешь. У нее свои сезоны и урожаи.

Если хочешь полюбоваться пушистым снежком – придется ждать до зимы, а чудом найденные в январе подснежники потому и чудо, что их нельзя купить в ближайшем цветочном, просто втридорога.

Всякому овощу свое время.

И если хочешь замирать от счастья, наряжая елку и предвкушать «оливье» и мандарины – не надо частить. И так с каждым годом время бежит все быстрее, отделяй его хотя бы такими немудреными традициями.

Одной из моих новогодних традиций была прогулка по ВДНХ в самые снежные декабрьские дни.

Раньше я бродила среди заснеженных елей в метель, чтобы найти какую-нибудь диковину в одном из национальных павильонов. Редкий чай, вкуснейший мед, экзотические сладости, ручной работы украшения – нынче все это можно найти на маркетплейсах. Пропал дух настоящей охоты за подарками!

Я воскрешала его принудительно, заказывая их за неде-

лю до Нового Года – чтобы, волнуясь, следить за трекингом. Успеют или нет?

А на ВДНХ ездила, чтобы пофотографировать иллюминацию и полюбоваться на фигуристов. Однажды мне сказали, что именно там катаются те, кто всерьез увлечен коньками.

Я собиралась полюбоваться на них, выпить глинтвейна из киоска, как следует замерзнуть и, приняв ванну, лечь спать пораньше, чтобы завтра хватило сил доделать предновогодние дела.

Меня ждала встреча Нового Года в компании старых подруг – тоже разведенных и тоже отпустивших своих отпрысков развлекаться самостоятельно...

Однако...

Была у меня еще третья любимая поговорка, о которой я в тот день забыла.

Хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах.

...пялиться на молоденьких мальчиков

Уже стемнело, и каток сверкал огнями, как волшебная игрушка. Сиял бриллиантовый лед, перемигивались яркие украшения, множество людей каталось по дорожкам, залитым по всему ВДНХ – от самого входа, вокруг фонтанов, даже к киоскам с фаст-фудом можно было подъехать, не снимая коньков.

Какой разительный контраст с теми годами, когда я бродила тут в темноте и только хрипящие динамики напевали что-то новогоднее, заглушаемые свистом ветра!

Все вокруг улыбались, хохотали, делились восторгом с друзьями и незнакомцами, ели какую-то вкуснятину прямо на ходу. Мое слегка подувядшее после отъезда дочери новогоднее настроение стало выправляться. А ведь с утра я даже на елку дома смотрела в сомнениях – может, убрать? Для кого она тут стоит, если Машка все равно свалила к отцу в Англию? Он там удачно устроился в филиале своей фирмы, за несколько месяцев обжился и щедро пригласил нас похвастаться новой жизнью. Мне его не хотелось видеть даже в Лондоне, а вот дочь поскакала с большим энтузиазмом и уже

несколько дней присылала фоточки рождественских ярмарок, украшенных гирляндами сказочных домиков и катков у стен Тауэра и в Гайд-парке.

Наверное, они меня и навели на мысль тоже съездить на наши катки, ничем не хуже!

Я шла вдоль ограждения, любуясь тем, как красиво скользят девочки в коротких шубках, парочки, держащиеся за руки и целая компания молодняка лет двадцати. Красивые парни и пара девчонок среди них. Парни, по понятным причинам, интересовали меня куда больше. Вообще я в последнее время стала засматриваться на ребят, которые по возрасту ближе моей дочери, чем мне. Как же обидно, что в моей юности таких не было!

Все-таки последние пятнадцать лет изобилия положительно отразились на внешности парней. Помню, в мои шестнадцать выбор был небольшой – либо «крутые», быдловатого вида чоткие пацанчики, уверенные, что мир принадлежит им. Лица не обезображенные интеллектом, стрижки почти под ноль – товарищ старшина будет доволен, мечты о личных тачках и планы пойти работать в ментовку или в бизнес.

Либо задроты с немытыми патлами, гитарой за спиной и заумными разговорами о Кастанеде. Как некий компромисс между теми и этими были еще всякие субкультуры типа металлистов, эмо, готов, панков... В общем, разнообразно – но

как-то так разнообразно, без особого выбора. Если хотелось симпатичного, да еще чтобы умел пользоваться парфюмом, хорошо выглядел, мог поддержать беседу, то гот он, панк или чОткий – уже было неважно. Приходилось брать, что дают.

А нынче... один высокий, стильный, даже на каток вышел в полупальто и с повязанным по-шерлоковски шарфом. Даже странно, что без зонтика-трости.

Другой – в белом лыжном костюме, с андеркатом и выбритой бровью, даже на месте спокойно не стоит, пританцовывает на фитнес-коньках.

Третий – с выбеленными волосами, крашеными на концах в розовый, десятком колечек в левом ухе и в расстегнутой косухе, под которой майка обтягивает мышцы груди. У меня аж материнский инстинкт пробуждает – так и хочется рывкнуть: «Свитер надень!» А он мало того, что не надевает, так еще и ту маечку задирает как бы ненароком, демонстрируя стиральную доску вместо живота.

Четвертый – бычок такой мощный. Вот он и в свитере под горло, и в штанах камуфляжных и взгляд такой – суровый, исподлобья. Но двигается легко, словно на коньках родился.

Пятый – явный мажорчик в куртке с огромной надписью Balenciaga. Да и прочие шмотки у него явно брендовые и недешевые. Но выражение лица такое, что ясно – он во всем этом модном обвесе с удовольствием попрется со всей компанией хоть в глухой лес, хоть в дом с привидениями, хоть

на запрещенные гонки на заброшенной военной ВПП.

Я стояла, облизываясь на каждого из них и в первый раз в жизни, кажется, думала: «Эх, где мои шишнацать лет!»

Я бы – ух!

Я бы – ах!

Я бы не была такой приличной книжной девочкой, какой была в свои шестнадцать!

А Машке, кстати, совершенно пофиг – ей интереснее фанфики по Гарри Поттеру писать, и облизуется она на старых пердунов типа Дженсена Экклза или Алана Рикмана. Нет, не спору, Алан Рикман прекрасен. Но он уже умер! А она только смеется и отвечает: «Какая разница?»

Один из парней, тот, что с выбеленными волосами и розовыми прядями, отделился от группки друзей и лихо прокатился по кругу, разгоняясь все быстрее и быстрее, а потом сделал «ласточку» и сразу – закрутился, весь вытягиваясь вверх. Казалось, он может вот так вертеться бесконечно долго.

– Ух, какой! – Выразила мои чувства женщина лет пятидесяти рядом со мной. Она пришла с пятилетней девочкой и подбадривала ее, стоя за оградой. – Прыгни еще! Прыгни! Умеешь?

Парень обернулся к ней, мотнул подбородком и снова покатулся по кругу – вывернув обе ступни наружу и разведя

руки в стороны.

– О, посмотрите, молодец какой, «кораблик» умеет! – Снова восхитилась женщина. – Похоже, серьезно занимается.

Я покивала с улыбкой – добавить мне было нечего, в фигурном катании я понимала примерно ничего. Зато вместе с соседкой по заборчику с удовольствием смотрела, как ловко светловолосый перетекает из одного элемента в другой, словно это ему вообще ничего не стоит. Ощущение обманчивое – я пару-тройку лет назад пыталась встать на коньки, чтобы разнообразить наш с Машкой зимний досуг. Максимум, на что меня хватило – проковылять вдоль бортика до следующего выхода и с позором рухнуть на скамейку. Лед, правда, у нас во дворе был не такой гладкий.

Вообще удобно быть взрослой тетенькой, которую никто не заподозрит в амурном интересе к молодняку возраста наших детей. Можно беспалевно пялиться на этот молодняк, пуская слюни, а потом пожаловаться на то, что твои отпрыски не торопятся заниматься спортом.

– А я вот внучку заинтересовала! – Похвасталась женщина. – Говорят, можно на коньки с трех лет ставить, но мы дотянули до пяти, страшно было за юные косточки. Зато от «Ледникового периода» ее теперь не оторвать.

– Моя в Лондоне на катке сейчас зажигает! – зачем-то со-

врала я, демонстрируя на телефоне фотографии, сделанные Машкой на демонстративно-вежливом отдалении от катка.

– Ну молодец, молодец... – как-то неискренне порадовалась женщина и принялась звать свою внучку: – Есения! Давай сходим покушать!

– Ну ба-а-а-а... – заканючила та.

Парни тем временем разъехались в разные стороны и принялись раздавать зевакам, глазающим на каток яркие листовки. Я дождалась своей очереди и разочарованно выдохнула: «Скидка на билет 5%!»

Они тут не по зову души выпендриваются, оказывается, на работе люди.

Светловолосый, не глядя сунувший мне рекламку, услышал мой вздох и вернулся.

– Согласен, пять процентов жлобство, – заявил он так, словно мы с ним сто лет уже знакомы и давно обсуждали. – Давай я тебе свою карточку дам, там двадцать процентов, а коньки в прокате все равно хреновые. Уломаю Дианку дать свои погонять на часик.

– Зачем?... – Оторопела я и зачем-то принялась впихивать ему листовку обратно в руку. – Мне не надо.

– Да какое не надо! Ты же уже полчаса на нас пялишься, как девочка со спичками на камин в богатом доме. Конечно, надо!

Листовку он у меня забрал, но взамен протянул свою ладонь.

Вблизи его уже не хотелось закутывать в шарфик и требовать надеть шапочку – от его тела пыхало жаром, как от печки, только что пар не шел. Светлые до прозрачности глаза смотрели нагло и дерзко – никакого уважения к взрослой приличной женщине!

...заигрывать с посторонними парнями, годящимися в сыновья

Как теперь этому молодому-резкому объяснить, что я не на каток хотела, а совсем иных удовольствий?

Посмотреть хотела! Конечно, просто посмотреть на красивых мальчиков, которые нарезают круги и выпендриваются трюками. Полюбоваться! А вовсе не то, что я сама про себя сейчас подумала! И вообще, если бы я выбирала из молодняка, я вон того, в пальто с шарфиком взяла, он постарше выглядит. А этот мне в сыновья годится!

Ну, годился бы, будь я совсем неприличной девочкой в свои юные года.

— Почему вы меня на «ты» называете? — запоздало возмутилась я. — Молодой человек, мы с вами на брудершафт не пили!

Я смирила его максимально ледяным взглядом. Но, видимо, ледяные взгляды ему были так же нипочем, как и кусачий морозец на катке.

— А в чем проблема? — ухмыльнулся он. — Давай выпьем.

Глинт будешь?

Снова оглядев его с ног до головы – черные фигурные коньки, брюки-карго с кучей пряжек и карманов, косуха, обтягивающая футболка, наглая улыбка, высветленные волосы с розовыми кончиками – я прям рассердилась на судьбу. Почему ко мне малолетки клеятся? Почему стаканчик глинтвейна мне не мог предложить серьезный мужчина лет сорока с благородной сединой и серебристым «Лексусом» на ближайшей парковке?

Я тут уже минут сорок мерзну, давно пора.

– Не буду, – покачала я головой. – Вам не советую – вы управляете транспортным средством повышенной опасности.

– Я – что? – озадачился парень. Но быстро сообразил: – Оу! Ты про коньки! Да брось, я на них даже в дугу бухой устою. Даже крепче буду, чем пешком. Знаешь, как моряки по твердой земле с трудом ходят после качки?

– Уверена, что почти все пьяные водители, попавшие в аварию, думали точно так же, – нахмурилась я. – Давайте завязывать этот бесперспективный разговор.

Он поднял брови, намереваясь возразить, но в этот момент звонкий девичий голосок позвал:

– Демон! Ты чего застрял там?

Он оглянулся на свою компанию. Среди парней там тусовались еще и две девчонки. Одна рыжая, сияющая шевелюрой ярче новогодних огней. В белой шубке, в клетчатой юбочке и румяная – как с картинки. Другая тоже как с картинки – но уже из другого журнала. Темноволосая, холеная, с накачанными губами и наращенными ресницами. Такие красотишки в ее возрасте как раз находят себе «папиков» и с шелупонью вроде этого Демона перестают общаться. На ее задницу в обтягивающих лосинах пялился весь каток. Включая тех самых серьезных сорокалетних владельцев «Лексусов» с сединой, на которых я рассчитывала.

Звала его рыжая, а темненькая только смотрела с насмешкой – но, видимо, хватило и этого. Он хмыкнул, развернулся и, не прощаясь, укатил к ним. А я осталась стоять с рекламкой в руке, как дура.

Будь я на десяток лет помоложе – смутилась бы и сбежала с катка. Но вместе с морщинами и килограммами с годами нарастает еще и дзен, поэтому я осталась стоять и любоваться дальше. А что? Ничего противозаконного не творю. Может, мне тот, в пальто, тоже глинтвейна предложит?

Но «тот, в пальто» вообще в мою сторону не смотрел. Зато девчонки пялились исподтишка и хихикали, обмениваясь шепотками на ухо. Рыжая особенно часто стреляла лисьими

глазками в мою сторону. Нашла к кому ревновать!

Парни снова разъехались по всему катку, по мере сил изображая крутых фигуристов. Лучше всего получалось у Демона и темноволосой девчонки – потому что с ее задницей можно было вообще никак не кататься.

Светловолосый же снова разогнался и завернул лихой ро-счерк по льду, затормозил как следует – и буквально с пустого места снова закрутился веретеном. Выглядело это совершенно нереально, я даже представить не могла, как у него получается. Тем более, с моими навыками катания. А он, не делая паузы, снова вышел в «ласточку», присел, делая «пи-столетик» – в общем, красовался изо всех сил, пару раз сорвав даже жидкие аплодисменты немногочисленных зрителей.

И – не забывал поглядывать на меня.

Ну... Хватит уже. Шоу прекрасное, но мне пора.

И я направилась в сторону выхода вдоль ледяных дорожек, попутно выкинув в урну рекламку. Отойдя подальше от веселой тусовки, остановилась, чтобы надеть перчатки – и тут к бортику подкатил светловолосый Демон, лихо развернувшись и осыпав меня вихрем ледяных крошек.

Схватился за ограду и перескочил, преградив мне путь.

– Уходишь? – спросил он небрежно.

– Ухожу.

Я аккуратно обогнула его и пошла по дорожке дальше, но он в два прыжка на зубцах коньков снова оказался передо мной.

– Почему?

– У тебя коньки не затупятся? – вместо ответа поинтересовалась я.

– Затупятся, – кивнул он. – Это шэффилдская сталь, они только для искусственного льда, на асфальте им хана.

– Ты профессиональный фигурист?

– Ни в коем разе! – он прижал ладонь к груди, слегка оттягивая футболку вниз, и из-под ворота показалась татуировка в виде змеи, обвивающей его ключицы.

– Но ты круто катаешься, и коньки, вон, у тебя непростые.

– Я просто люблю выпендриваться, а для этого нужны какие-то достижения, – хмыкнул он, откидывая челку с лица резким движением.

Вот чего я стою и болтаю тут с ним? Вблизи он вовсе не такой красавчик, как мне казалось. Был у меня одноклассник чем-то на него похожий, только рыжий. С таким же неистребимым хамским выражением на лице, даже когда молчит.

– У тебя они есть? – сама не заметив, я тоже перешла на ты.

– До тринадцати лет меня прочили в олимпийские чемпионы.

– А что потом случилось?

– Природа нагадила, – развел он руками. Но в лице не было ни намека на сожаление. – Двойной прыжок – мой максимум, как ни бейся.

– И ты бросил?

– А смысл оставаться? – хмыкнул он. – Тридцатое место на первенстве Бутово – не мой уровень достижений.

– Есть такое первенство? – удивилась я.

Он не ответил, только сощурил свои нагло-прозрачные глаза и склонил голову набок. Вот узнаю эту манеру, Машка так же себя ведет, заменяя этой пантомимой невежливое: «Мать, ну ты совсем дура, что ли?»

– Фигурист, значит... – кивнула я.

– Бывший, – уточнил он.

– Может, еще и танцор? – спросила, вспомнив, как он двигался.

– Бывший, – повторил он.

– Еще кто бывший?

– Оперный певец.

– Ого! Что же пошло не так на этот раз?

– Природа... – снова развел он руками. – Диапазон маленький, полторы октавы.

– Что еще у тебя маленькое, даже спрашивать не буду...
– пробормотала я себе под нос, не удержавшись.

Он сам подставился! Я не виновата!

Он сощурился и продуманно-небрежным жестом положил ладонь на живот, вновь как бы невзначай задирая футболку и открывая поджарый живот.

– Показать?

...позволять платить за себя незнакомым мужчинам

Вот молодежь пошла!
Ни стыда, ни совести!
Что себе позволяют!
Мы себе такого не позволяли!
А зря...

– Не надо! – быстро сказала я. – А то меня арестуют за
растление малолетних.

– Мне двадцать два, – несколько обиженно отозвался этот
наглец.

– А мне тридцать пять, мальчик, – устало вздохнула
я, мысленно прикинув разницу в возрасте и загрустив от
несбыточных перспектив. – Иди играй к своим девочкам.

Но он почему-то не пошел. Футболку, конечно, опустил
и больше никаких поползновений похвастаться, чем бог на-
градил, не делал.

Зато, поразмыслив, сообщил:
– Меня Демьян зовут.

Ах вот почему Демон...

– Очень приятно, – нейтрально отозвалась я.

Но попыток уйти, кстати, не делала.

Когда еще пофлиртуешь без далеко идущих последствий? Эти же, седые и в «Лексусах», давно скисли, устали от беготни. Они лучше деньгами отдадут, чем вот такой ни к чему не обязывающей болтовней. А зачем мне их деньги? У меня и свои есть.

– А тебя? – Демьян переступил коньками, и меня аж перекосило, когда я представила, что сейчас станет с этой его шеффилдской сталью.

Настойчивый такой.

– Алена, – фыркнула я.

– Аленушка... – расплылся он в улыбке.

– Алена Ивановна для тебя! – отчеканила я, попытавшись добавить в голос стальные нотки, подслушанные у бывшей свекрови-завуча.

– У меня нет фетиша на строгих училок, – сообщил Демьян. – Да ты и не похожа на такую. Ты скорее Снегурочка...

Он протянул руку и кончиками пальцев стряхнул с моих волос несколько нагловатых снежинок. Оказывается, пока мы болтали, с черного неба незаметно начал сыпаться лег-

кий сухой снежок.

– А на снегурочек у тебя фетиш, значит, есть?

– Возможно... – коварно улыбнулся он.

– Тогда у тебя вон! – я подбородком указала на каток за его спиной. – Свои снегурочки.

Он развернулся к катку, бросил быстрый взгляд и нахмурился:

– И кто из них Снегурочка? Диана или Настя?

– Обе! – торжествующе заявила я. – Только для разной аудитории. Рыжая для детей, брюнетка для взрослых.

Он сначала негромко фыркнул, а потом рассмеялся, запрокинув голову и демонстрируя острый кадык, от вида которого меня странно дернуло – будто легким током.

– Ну что, – он снова протянул мне ладонь. – Пойдем глинтвейна выпьем. За знакомство. И на брудершафт, уговарила.

– Нет, – качнула я головой.

– Кофе? Какао с маленькими такими зефирками? Облепихового чая?

– Нет, – снова сказала я.

– Брусничного морса? Комбучи? Молочного коктейля? Там есть шоколадный, банановый и карамельный.

– Мне уже пора, – сказала я, с потаенным интересом, однако, гадая – что он теперь придумает?

– Ты замужем? – вдруг спросил Демьян, опуская руку.

– Нет... А какое отношение...

– Бойфренд? – Чуть-чуть напряженным тоном.

– Никого у меня нет.

– Тогда пошли, – и он ухватил меня за руку, уже не спрашивая, чего я там хочу. Ладонь была очень-очень горячей и странно большой. Я уже записала его чуть ли не в школьники и прямо удивилась, что мои пальцы утонули в его руке.

Он свистнул и махнул своим друзьям – кто-то из них покопошился у бортика и швырнул ему рюкзак. Не выпуская мою ладонь, Демьян, ловко балансируя то на одной, то на другой ноге, очень быстро переобулся из коньков в кроссовки и потащил меня через мостик к ближайшей сияющей разноцветными огоньками кафешке.

Я с любопытством наблюдала уже не только за ним, но и за собой. Новогодние огоньки кружили голову, звучащие на катке мелодии через одну обещали исполнение всех желаний, а морозный воздух пах предвкушением несбыточного. В таких невыносимо-сказочных условиях, пожалуй, пойдешь за руку с самим чертом, если он поманит переменной участи.

А впрочем, я же и шла – с Демоном.

В кафе было потеплее, пар изо рта уже не шел, но все равно достаточно прохладно – я не стала снимать дубленку. Зато Демьян легко скинул свою косуху и повесил на спинку пластикового стула. Столы тоже были дешевыми фанерными, накрытыми бумажными скатертями.

Давно я не была в таком простецком местечке – все деловые вопросы решались в заведениях максимально доступного для контрагентов уровня. Видимо, наше поколение как прочитало в книгах по бизнесу, что одеваться и вести себя следует для жизни, которой ты хочешь жить, а не для той, которой живешь, так и больше не пересматривало принципы.

Но раз связалась с малолеткой – терпи!

– Тебе не холодно? – Забеспокоилась я, увидев, что под курткой у него действительно одна тоненькая футболка.

– Мне жарко, – ответил он, поворачиваясь и оказываясь вплотную ко мне. – Особенно когда я смотрю на тебя.

Осадить наглеца я не успела.

– Хэй, Демон! – Крикнул ему парнишка на кассе. – Тебе как всегда?

Тот шагнул к стойке, обменялся с ним рукопожатием и кивнул на массивный чан, от которого разливался аромат вина и специй:

– Нам два глинтвейна.

Я достала карту – совершенно без задних мыслей, просто привыкнув, что везде плачу за дочь.

Уххххх, каким демонским яростным взором меня наградили!

Убрала ее обратно, не успев задуматься.

– Ну да, у тебя, небось, по студенческому скидки, – неловко съехидничала я. – Или по Пушкинской карте.

– Я должен в ответ пошутить про пенсионное? – поднял брови Демьян, отходя от прилавка с двумя высокими стаканами с глинтвейном.

Я села за стол напротив его места, и он потянулся, чтобы поставить стаканчик рядом со мной. Его рука оказалось прямо у меня перед глазами, и я заметила татуировку на плече – треугольный осколок зеркала, в который влетает птица. Я покосилась – на другой руке из такого же осколка птица вылетала.

Руки у него были красивые – очень по-мужски. Широкие запястья, покрытые чуть-чуть рыжеватыми волосами, крупные ладони, длинные пальцы. И натянутые жилы на предплечье, в которые мне неожиданно захотелось впиться зубами.

Аж слюна выделилась – я мысленно ощутила, как пружинят вены под языком и упруго поддается кожа, пахнущая хо-

ЛОДОМ И ВИНОМ.

Желание напугало меня саму.

Ничего себе заявочки, дорогой организм!

Это с чего вдруг такой праздник плоти?

Слишком давно мужика, что ли, не было? Дай боже посчитать... Года два!

Сначала развод, потом Машкины пубертатные выкрутасы, потом бизнес стал расти – не до того.

Да и не нужно особо было – у меня друзей полно. Они и обнимут, и поржут со мной, и в кино сходят вместе, и подарят розовую игрушку с моторчиком, чтобы ночи скрашивала, и розетку починяет, если надо. Впрочем, розетку быстрее за деньги – ни один муж так быстро не решит эту проблему, как вежливый молчаливый мальчик из Средней Азии с невыговариваемым именем.

В принципе, некоторые подружки и для секса пользовались такими мальчиками по вызову. Но я как-то пока не доросла.

Короче, вроде все потребности были закрыты... Но оказалось, что укусить за предплечье красивого и сильного мужика... парня – для этого еще суррогатов не изобрели.

Демьян приземлился на стул напротив меня, обнял ладонями стаканчик – и еще неизвестно, кто из них кого грел! –

и склонил голову набок, пристально меня разглядывая.

Ну пусть посмотрит. Не в темноте и отблесках огней, а под безжалостным электрическим светом, от которого не скрыть все признаки возраста. И тонкие морщинки, уже заметные под глазами, и усталую кожу, и чуть поплывший овал лица. Косметикой я сегодня тоже не увлекалась, так что неровности, темные круги, бледные губы – тоже были на месте.

Я тебе не оффотошопленная горячая милфа из интернета, мальчик, а взрослая тетка со всеми вытекающими.

– Ну что, насмотрелся? – спросила я, когда молчание и внимательный взгляд прозрачных глаз стали меня тяготить. – Чего ты от меня хочешь-то, Демьян?

– Хочу оказаться лицом между твоих бедер, и чтобы ты терлась о мой язык.

– Что?!

– Что?

Я моргнула.

Мне ведь слышалось?

...попадать в двусмысленные ситуации

Я думала, что давно разучилась краснеть. Последние остатки девичьей стыдливости обычно рассыпаются прахом в роддоме, когда уже совершенно все равно, кто заглядывает тебе между ног, лишь все побыстрее кончилось. И подробности своей интимной жизни рассказываешь статному красавцу-гинекологу, нисколько не смущаясь от вопросов про регулярность стула и количество половых партнеров.

Но мне еще никогда вот так откровенно не говорили прямо в глаза настолько горячие фантазии. Ночью, на ушко – да. Во время секстинга, в сообщениях, разогреваясь постепенно и не видя лиц друг друга – тоже да. А с наглым взглядом, отпивая глоток за глотком горячий глинтвейн и кривой полуулыбкой отмечая мои порозовевшие щеки – нет.

Никогда.

Мне больше не холодно – меня будто кипятком ошпарили, а сердце колотится где-то в горле. Дух захватывает как на качелях. Как давно я не испытывала такие эмоции!

Сквозь жаркое марево, дрожащее перед глазами, хочется

любоваться этим молодым и наглым.

У него острый взгляд, горячая кожа, быстрые реакции. Ему интересно смотреть на меня, интересно со мной разговаривать...

Я уж и забыла, какие они – двадцатилетние парни. Еще не успевшие устать от жизни, обзавестись парой-тройкой неприятных хронических болячек, бывшей женой, исполнительным листом в бухгалтерии и уверенностью, что у меня весь этот набор тоже есть.

В юности не ценишь молодость, свежесть и горячую кровь. Потому что сама такая же – что в этом особенного? Только сейчас, когда в движениях, жестах и чувствах пробируется осторожная скупость – можешь оценить, как здорово жить на всю катушку.

Кажется, я начинаю понимать, отчего сорокалетние мужчины меняют старых жен на «две по двадцать». Мне и самой хочется этого дерзкого Демона облизать с ног до головы.

Хочется краснеть от его прозрачного взгляда, который он и не думает отводить, ожидая, пока я справлюсь со смущением.

Помню, когда я классе в восьмом была, нас на школьной дискотеке приглашали танцевать одноклассники с такими же

наглыми раздевающими взглядами. До сих пор помню, как я пыталась одному из них посмотреть в глаза, но каждый раз дико смущалась, читая в них все то, что Демьян мне сказал словами через рот.

Забавно, кстати, что я его сравниваю со старшеклассниками, словно сама вернулась в прошлое и стала девчонкой возраста своей дочери. А вовсе не солидной взрослой женщиной, которая должна бы высокомерно отобрить юнца и отправиться по взрослым своим делам.

А у меня полно взрослых дел – к тому моменту, как контрагенты выйдут из алкогольной комы, у нас должны быть уже готовы документы для открытия филиала в Ереване. Сколько тамошние бюрократы провозятся – непонятно. Надо брать по максимуму, а это значит – пока заключать договоры с фрилансерами на месяц, а потом уже оформлять в штат там.

Месяца хватит? Те ребята, что туда срочно беж... релоцировались, уже давно живут даже без банковских карт, их надо будет в первую очередь оформлять и сразу выплачивать аванс.

– Ален? – голос Демьяна выдернул меня из рабочих мыслей и вернул в реальность. – Ты еще тут?

Ох, ничего себе, как я от облизывания молоденького мальчика незаметно скатилась в дела свои мрачные. Какие уж тут горячие предложения, если работа у меня на первом месте – всегда!

– Ох, прости, – я отпила почти остывшего глинтвейна. – Что ты там говорил?..

– О ком ты думала с таким мечтательным выражением лица? – ревниво сверкнув глазами, спросил Демон.

Еще бы – делаешь женщине предложение, от которого сложно отказаться – а она уплывает по реке своих мыслей куда-то в другую страну и другой год.

Представляю, как ему было бы обидно, скажи я правду!

– О Егорове Данииле Вячеславовиче! – отчиталась я, хихикая.

Он нахмурился:

– Кто это?

– Руководитель ФНС России. Взрослый солидный мужчина. Красивый, кстати.

– Да? – Демьян вскинул густые выбеленные брови. – Думаешь, с ним тебе было бы лучше?

– Ой... – я кокетливо махнула рукой. – Не знаю, не знаю, он мужчина опытный. Старый конь борозды не испортит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.